

А. А. Рыжова

аспирант

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

ЭМБРИОН КАК СУБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Аннотация. В статье анализируется российское и зарубежное законодательство, вовлекающее нерожденного человека в возникающие правовые отношения. Это позволяет сформулировать вывод о признании за эмбрионом отдельных прав человека. Рассматриваются мнения российских ученых-юристов о признании nasciturusa (от лат. Nasciturus – нерожденный) живым существом с момента зачатия. Это предопределяет установление особого механизма государственной защиты прав нерожденного. В статье исследованы правовые позиции, изложенные в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 10 апреля 2007 г. по делу «Эванс против Соединенного Королевства» и в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 2 октября 2012 года по делу «Кнехт против Румынии». Предметом рассмотрения в обоих решениях стал спор вокруг замороженных эмбрионов.

Ключевые слова: эмбрион, nasciturus, субъект права, право на жизнь.

A. A. Ryzhova

Postgraduate student

Penza State University, Penza, the Russian Federation

THE EMBRYO AS A SUBJECT OF CONSTITUTIONAL LAW

Abstract. The article analyzes the Russian and foreign legislation involving unborn human in the emerging legal relations. This allows us to formulate a conclusion on the recognition of individual human rights embryo. Consider the opinions of Russian legal scholars on the recognition nasciturusa (from the Latin Nasciturus -The unborn) a living being from the moment of conception. It determines the establishment of a special state protection mechanism for the rights of the unborn. The article examines the legal position set out in the judgment of the European Court of Human Rights of 10 April 2007 in the case of «Evans against the United Kingdom», and in the Resolution of the European Court of Human Rights of 2 October 2012 on the case «Knecht against Romania». At issue in both solutions was the dispute over frozen embryos.

Key words: embryo, nasciturus, subject of law, the right to life.

Биомедицинские технологии становятся все более агрессивными по отношению к человеку, заставляя при этом по-новому оценивать содержание базовых конституционных прав. Конституция Российской Федерации закрепляет основные права человека: право на жизнь (статья 20), право на свободу и личную неприкосновенность (статья 22), право на неприкосновенность частной жизни (статья 23) и др. Многие из основных прав имеют устоявшиеся структуру и содержание, а также определенный объем гарантий. В то же время современная биомедицина позволяет выделить эмбрион человека, представляя ему относительно самостоятельную жизнь вне материнской утробы. Это обуславливает различные технологии: коррективную пола, генную инженерию, клонирование и др. Подобные эксперименты заставляют юриспруденцию корректировать общую теорию прав человека. Так, перед учеными-юристами ставятся следующие вопросы: С какого момента возникает право на жизнь? Кто является «собственником» эмбрионов, произведенных искусственным путем? Имеет ли эмбрион какие-то самостоятельные права?

Подобная проблематика приобретает большую актуальность, поскольку широкой общественности становятся известны случаи коммерциализации челове-

ских эмбрионов. Например, в апреле 2005 г. российскими таможенниками при досмотре был изъят чемодан, в котором оказались замороженные эмбрионы из украинских клиник. В процессе проведения следственных мероприятий было установлено, что «товар» предназначался для российских центров косметологии, включивших в перечень услуг «инъекции молодости» стоимостью 10 000 долларов США за курс. Инъекция представляла собой смесь медикаментозных препаратов и живых эмбрионов [10]. Указанные вызовы современности обуславливают изменение отношения со стороны права и государства к эмбриону, чье правовое положение в российских условиях отличается своей неопределенностью [8].

Сложность правового статуса эмбриона может быть нивелирована при закреплении за ним конституционного права на жизнь. В этом случае nasciturus (лат. *Nasciturus* – нерожденный) будет считаться с момента зачатия живым существом, а значит находится под государственной защитой. Отметим особо: такая правовая позиция все больше приобретает сторонников в российской правовой науке. А.М. Зайцева указывает, что зачатый, но еще не рожденный ребенок – это самостоятельное живое человеческое существо. Автор приводит аргументы, согласно которым «объективно жизнь человека начинается с момента зачатия», и «с этого момента государством должно гарантироваться естественное право человека на жизнь» [3]. С.В. Гландин, опираясь на содержание международно-правовых документов, утверждает, что человеческий эмбрион, каков бы ни был его моральный или правовой статус, признанный с точки зрения различных существующих в Европе культур и различных этических подходов, имеет право на защиту законом. Более того, данная защита должна укрепляться по мере развития эмбриона [1]. Н.Н. Федосеева и Е.А. Фролова считают, что наиболее удачным будет признание за эмбрионом правосубъектности после 12 недель внутриутробного развития: «Данный момент развития зародыша выбран не случайно. Во-первых, на данном этапе эмбрион приобретает человеческий облик и становится жизнеспособным. Во-вторых, производство аборта в более поздние сроки может угрожать здоровью женщины» [9]. Есть и сдержанная позиция, согласно которой «представляется целесообразным придать зачатому, но нерожденному лицу ограниченную правоспособность, так как положения, касающиеся права эмбриона на жизнь, должны быть закреплены в Конституции РФ. Его право на рождение должно быть прямо указано в Основном Законе, что будет подразумевать конституционную гарантию правоспособности зачатого, но неродившегося лица. Таким образом, в действующее российское законодательство необходимо внести презумпцию - человек, если он родился живым, считается правоспособным с момента зачатия. Это обусловлено тем, что, во-первых: с медицинской точки зрения человеческий эмбрион обладает всеми признаками жизнеспособности еще до рождения; а во-вторых, положения, касающиеся защиты прав эмбриона, прописаны в отраслевых нормативных актах» [5]. Е.М. Журавлева указывает на иной аспект – право наследования, которое может быть признано за нерожденным при реализации программы суррогатного материнства. Предложения автора выглядят неубедительными, но в целом они также затрагивают вопрос признания частичной правоспособности [2].

От наследственного права отталкиваются Д.В. Лоренц и Е.К. Шотт. Авторы приводят примеры из зарубежного права: «Обратившись к Гражданскому кодексу Нидерландов, мы также найдем положения, из которых следует, что зачатый, но не родившийся ребенок считается появившимся на свет, если эта презумпция соответствует его интересам... В соответствии с Гражданским кодексом Японии все физические лица обладают полной правоспособностью, получая ее с момента рождения (статьи 1-3). Эти права распространяются также на ребенка, находящегося в утробе матери, при возникновении деликта и наследовании... В Австрии нерожденные дети с момента их зачатия имеют притязание на защиту со стороны закона и считаются рожденными в той мере, в какой речь идет об их правах, а не о правах третьего лица. Однако мертворожденный ребенок рассматривается как

никогда не зачатый, когда речь идет о тех правах, которые бы ему принадлежали в случае, если бы он был жив (§ 22 Общего гражданского уложения Австрийской Республики)» [4]. На основе приведенных законодательных положений авторы вносят конкретные предложения по совершенствованию отечественного законодательства: «Необходимо на законодательном уровне предусмотреть термин «насцитурус» и расширить его смысл по сравнению с древнеримской юридической конструкцией, т.е. понимать под ним не только ребенка, зачатого при жизни наследодателя, но и зачатого после смерти наследодателя на основании его воли, выраженной при жизни, при условии что ребенок родится живым после открытия наследства... В ГК РФ разумно предусмотреть некую фикцию по аналогии с нормами зарубежного гражданского права, что у зачатого ребенка предполагается правоспособность, в частности, в наследственных и деликтных правоотношениях». Эта фикция, по мнению авторов, необходима гражданскому праву для урегулирования нестандартных отношений, когда следует конструировать субъективные права и удовлетворять охраняемые законом интересы нетипичных участников гражданских правоотношений, которые реализуют свою правосубъектность через поведение других лиц (трансдееспособность), в частности, права и обязанности насцитуруса могут осуществлять будущие законные представители ребенка, но возникают они у самого зачатого ребенка.

Подобные выводы нередко обосновываются конституционным опытом некоторых государств. Например, Конституция Словацкой Республики (статья 15) и Конституция Чешской Республики (статья 6) специально закрепляют, что человеческая жизнь достойна охраны еще до рождения. Статья 40 Конституции Ирландии предусматривает: «Государство признаёт право на жизнь нерождённого и, имея в виду равное право на жизнь матери, гарантирует в своих законах уважение и, насколько это возможно, защищает и поддерживает своими законами это право». Есть и опыт отраслевого регулирования. В Австралии имеет место принцип, согласно которому эмбрион обладает правом подать иск о возмещении вреда, причиненного ему по неосторожности в период его внутриутробного развития [7]. Законодательство Калифорнии устанавливает ответственность за убийство эмбриона [12]. Во Франции рассматривался другой случай, когда пациентке врач-гинеколог при осмотре по неосторожности проткнул околоплодный пузырь (на 7 месяце беременности), в результате чего пришлось делать срочный аборт, плод не выжил. Французские суды оправдали врача, указав, что нерожденный не находится под защитой уголовного закона [11].

Обобщая вышеизложенный материал, следует согласиться с Г.Б. Романовским, что право быть признанным субъектом права возникает именно с момента рождения: «Российский законодатель должен только учитывать интересы не родившихся детей, но не признавать их правоспособность» [6].

Необходимо учитывать и иной аспект. Эмбрион – это плод инициативы двух людей – мужчины и женщины, что создает основу для вероятного конфликта. Интересы мужчины и женщины могут совпадать, а могут быть разносторонними. В этой части российское семейное законодательство содержит правовой запрет на расторжение брака по инициативе мужчины. Инициатором бракоразводного процесса может быть только женщина. Но эта ситуация касается беременности женщины и вынашивания ее ребенка. Законодательство «молчит» относительно определения судьбы криоконсервированных эмбрионов, которые могут находиться на хранение в специальном банке продолжительное время. С учетом того, что криоконсервирование половых клеток – разрешенная процедура и в Российской Федерации, нетрудно предположить, что определенные споры могут возникнуть и в нашем государстве.

В данном аспекте следует привести Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 апреля 2007 г. по делу «Эванс против Соединенного Королевства», предметом которого стал спор вокруг замороженных эмбрионов. Эванс,

расставшись со своим партнером, в последующем решила использовать замороженные эмбрионы для рождения ребенка, чему решил противиться ее бывший мужчина. Суды Великобритании отказывали Эванс в удовлетворении ее исковых требований, считая, что отказ биологического отца является юридическим препятствием. Европейский Суд по правам человека отметил, что вопрос о том, какой момент можно считать началом действия права человека на жизнь, находится в пределах свободы усмотрения каждого государства, где возникает такой вопрос. Примечательно, что Европейский Суд по правам человека формулировал выводы, исходя из норм британского законодательства. В конечном итоге Эванс было отказано в удовлетворении ее требований.

Следует упомянуть также Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 октября 2012 года по делу «Кнехт против Румынии». Фабула дела заключается в следующем. 24 июля 2009 г. замороженные эмбрионы, размещенные заявительницей на хранение в частной клинике, были изъяты властями в связи с озабоченностью по поводу полномочий клиники. В дальнейшем заявительница столкнулась со значительными сложностями в обеспечении передачи государством эмбрионов в специализированную клинику в целях их использования для родов с использованием процедуры ЭКО (Экстракорпоральное оплодотворение). Заявительница жаловалась на то, что это повлекло нарушение ее права на уважение личной и семейной жизни. Европейский Суд по правам человека исходил из общего посыла, что данное дело затрагивает право на уважение личной и семейной жизни. Вопрос был о том, были ли ограничительные меры необходимы в демократическом обществе. Европейский Суд по правам человека отказал в удовлетворении жалобы, отметив, что в его задачу не входит подмена собой компетентных национальных органов для определения наиболее уместной политики регулирования искусственного деторождения, поскольку применение метода ЭКО порождает деликатные моральные и этические проблемы в условиях быстрого развития медицины и науки. Суд указал, что в этой сфере государства-участники пользуются широкими пределами усмотрения в отношении решения о вмешательстве порядка установления системы регулирования. В такой обстановке не было доказано, что решение о конфискации эмбрионов в контексте уголовного расследования являлось произвольным или неразумным. Однако влияние этого акта на право заявительницы на уважение личной жизни усугублялось последующим obstructивным и непостоянным поведением соответствующих органов, которые препятствовали заявительнице в передаче эмбрионов в специализированную клинику, несмотря на ее усилия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гландин С.В. О статусе эмбриона человека в свете права на уважение личной и семейной жизни в европейском и российском праве / С.В. Гландин // Закон. — 2014. — № 4. — С. 136–141.
2. Журавлева Е.М. Проблемы наследования nasciturусом в рамках действия договора суррогатного материнства / Е.М. Журавлева // Наследственное право. — 2013. — № 1. — С. 10–13.
3. Зайцева А.М. Начало жизни человека как граница конституционной правоспособности / А.М. Зайцева // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — № 10. — С. 17–24.
4. Лоренц Д.В. Правоспособность nasciturуса: наследственно-правовой аспект / Д.В. Лоренц, Е.К. Шотт // Наследственное право. — 2015. — № 3. — С. 24–28.
5. Михайличенко С.И. Развитие законодательства об ответственности за искусственное прерывание беременности и историко-правовой аспект конституционного права на жизнь эмбриона человека / С.И. Михайличенко, Н.К. Рудый // Семейное и жилищное право. — 2013. — № 3. — С. 24–29.

6. Романовский Г.Б. Анонимность доноров половых клеток и современное семейное право / Г.Б. Романовский // Семейное и жилищное право. — 2010. — № 5. — С. 3–8.
7. Романовский Г.Б. Правовое регулирование хранения половых клеток и эмбрионов / Г.Б. Романовский // Медицинское право. — 2010. — № 2. — С. 12–17.
8. Романовский Г.Б. Статус эмбриона в современном праве / Г.Б. Романовский // Гражданин и право. — 2011. — № 12. — С. 23–32.
9. Федосеева Н.Н. Проблема определения правового статуса эмбриона в международном и российском праве / Н.Н. Федосеева, Е.А. Фролова // Медицинское право. — 2008. — № 1. — С. 36–40.
10. Beauty salons fuel trade in aborted babies / theguardian. Available at: <http://www.guardian.co.uk/world/2005/apr/17/ukraine.russia> (accessed 25.11.2016).
11. Browne A. Abortion error «shows foetus has right to life» // The Times. Available at <http://www.thetimes.co.uk/tto/health/article1879655.ece> (accessed 25.11.2016).
12. Mason & McCall Smith Law and Medical Ethics. Butterworths. London, Edinburg, Dublin, 1999. pp. 125–126 (in English).

REFERENCES

1. Glandin S.V. On the Status of the Human Embryo in the Light of the Right to Respect for Private and Family Life in the European and Russian Law. *Zakon = Law*, 2014, no. 4. pp. 136 – 141 (in Russian).
2. Zhuravleva E.M. Inheritance Issues Nastsiturusom within the Scope Surrogacy Contract. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*, 2013, no. 1, pp. 10 – 13 (in Russian).
3. Zaitseva A.M. Beginning Life as a Constitutional Limit of Capacity. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2012, no. 10, pp. 17 – 24 (in Russian).
4. Lorents D.V., Shott E.K. Legal Capacity Nastsiturusa: Hereditary-legal aspect. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*, 2015, no. 3, pp. 24 – 28 (in Russian)
5. Mikhailichenko S.I., Rudyi N.K. The Development of Legislation on Liability for Abortion, Historical and Legal Aspect of the Constitutional Right to Life of the Human Embryo. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2013, no. 3, pp. 24 – 29 (in Russian).
6. Romanovsky G.B. The Anonymity of Donors of Gametes and Modern Family Law. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2010, no. 5. pp. 3 – 8 (in Russian).
7. Romanovsky G.B. Legal Regulation of Storage of Gametes and Embryos. *Meditsinskoe pravo = Medical Law*, 2010, no. 2, pp. 12-17 (in Russian).
8. Romanovsky G.B. Fetal Status in Modern Law. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*, 2011, no. 12, pp. 23-32 (in Russian).
9. Fedoseeva N.N., Frolova E.A. The Problem of Determining the Legal Status of the Embryo in the International and Russian Law. . *Meditsinskoe pravo = Medical Law*, 2008, no. 1, pp. 36-40 (in Russian).
10. *Beauty salons fuel trade in aborted babies. Theguardian*. Available at: <http://www.guardian.co.uk/world/2005/apr/17/ukraine.russia> (accessed 25.11.2016).
11. *Browne A. Abortion error «shows foetus has right to life» . The Times*. Available at <http://www.thetimes.co.uk/tto/health/article1879655.ece> (accessed 25.11.2016).
12. *Mason & McCall Smith Law and Medical Ethics. Butterworths*. London, Edinburg, Dublin, 1999. pp. 125–126 (in English).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыжова Анастасия Андреевна — аспирант, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Российская Федерация, e-mail: olga.r04@mail.ru.

AUTHOR

Ryzhova Anastasiia Andreevna — Postgraduate student, Penza State University, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation, e-mail: olga.r04@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Рыжова А.А. Эмбрион как субъект конституционного права / А.А. Рыжова // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2016. — Т. 4, № 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru>.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ryzhova A. A. The embryo as a subject of constitutional law. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2016, vol. 4, no. 4, available at: <http://esj.pnzgu.ru> (In Russian).